29/05/2019

Комментарий секретариата Синодальной библейско-богословской комиссии к опубликованному Константинопольской Патриархией письму Патриарха Варфоломея Архиепископу Албанскому Анастасию от 20 февраля 2019 года

Константинопольский Патриархат на своём официальном сайте 9 марта 2019 года опубликовал датированное 20 февраля письмо Святейшего Патриарха Варфоломея Блаженнейшему Архиепископу Албанскому Анастасию, представляющее собой ответ на письмо последнего по украинскому церковному вопросу. Содержание послания Патриарха Варфоломея связано с неканоническим предоставлением Константинопольским Патриархатом так называемой автокефалии раскольникам на Украине, что прямо затрагивает жизнь Русской Церкви. Стремясь оправдать вторжение в ее дела, Патриарх Варфоломей выдвигает теорию об исключительных правах

Константинопольских Патриархов в Православной Церкви, обоснованию которой и посвящено письмо Предстоятелю Албанской Церкви.

Члены и эксперты Синодальной библейско-богословской комиссии рассмотрели ключевые тезисы аргументации Патриарха Варфоломея. Ниже приводятся основные выводы Комиссии.

1. В письме Патриарха Варфоломея утверждается, что священные каноны «в виде не привилегий, но жертвы» возложили на Предстоятеля Константинопольской Церкви некую «сверхграничную ответственность» с целью «окончательного урегулирования возникающих в Поместных Церквах проблем, с которыми они не в силах справиться сами». Также отмечается, что «этому наследию» Константинопольской Церкви «в течение всех прошедших веков» служили предшественники Патриарха Варфоломея на Константинопольской кафедре.

В действительности никаких канонов, предоставляющих Константинопольским Патриархам подобные полномочия, не существует, что косвенно подтверждает и сам Патриарх Варфоломей, который не приводит в подтверждение своих слов ни одного соборного правила.

Предшественники нынешнего Предстоятеля Константинопольской Церкви, о которых он упоминает, иначе смотрели на вопрос о первенстве, отвергая учение об исключительных правах первого по чести епископа в Церкви. Уместно вспомнить в этой связи Окружное Патриаршее и Синодальное послание Константинопольской Церкви 1895 года, поводом к которому послужила энциклика Папы Римского Льва XIII о соединении Церквей. Полемизируя с Главой Римско-католической церкви, Константинопольская Церковь отстаивала тогда православное понимание роли первенствующего епископа, не допускающее никакого вмешательства первого из Предстоятелей в дела других Поместных Церквей:

> «Всякий епископ есть глава и предстоятель своей частной Церкви, подчиняющийся только соборным постановлениям и решениям кафолической Церкви как единственно непогрешимым, и никоим образом не составлял, как показывает церковная история, исключения из этого правила и епископ римский. Единый же вечный Началовождь и бессмертный Глава Церкви Господь наш Иисус Христос, *Той есть Глава телу Церкве* (Кол. 1, 18)…

> Божественные отцы, почитая епископа Рима только как епископа царствующего града империи, предоставили ему почетную привилегию председательства, смотрели на него просто как на первого между другими епископами, то есть первого между равными, каковую привилегию дали потом и епископу города Константинополя, когда этот город стал царствующим в Римской империи, как свидетельствует о том 28-е правило 4-го Вселенского Халкидонского собора… Из этого правила явствует, что епископ Римский равночестен епископу Церкви Константинопольской и епископам прочих Церквей, и ни в каком правиле и ни у кого из отцов нет и намека на то, что епископ Рима есть единый начальник кафолической Церкви и непогрешимый судья епископов прочих независимых и автокефальных Церквей…
>
> Каждая в отдельности автокефальная Церковь на Востоке и Западе была всецело независима и самоуправляема во времена семи Вселенских соборов. Как епископы автокефальных Церквей Востока, так и епископы Африки, Испании, Галлии, Германии и Британии управляли делами своих Церквей – каждый чрез свои поместные соборы, а епископ Римский не имел права вмешательства, будучи и сам также подчинен соборным постановлениям. По важным вопросам, требовавшим утверждения кафолической Церкви, обращались к Вселенскому собору, который один только был и является наивысшею властию в кафолической Церкви»[1].

Утверждая, будто возложенное на Константинопольских Предстоятелей служение «сверхграничной ответственности» «решительно никогда не вызывало у других патриархов никакого сомнения или беспокойства», Патриарх Варфоломей приводит цитату из послания отцов Карфагенского Собора 425 года Папе Римскому Целестину.

Использование именно этой цитаты, как и вообще ссылка на отцов этого знаменитого Собора, вызывает удивление.

Хорошо известно, что поводом к составлению послания послужило вмешательство Папы Целестина в дела Карфагенской Церкви и проведение им церковного суда по апелляции одного африканского епископа. Порицая данное деяние римского епископа, отцы Собора, в частности, писали:

> «Исполнив вышереченную обязанность подобающего приветствия,

> мы настоятельно молим, чтобы впредь вы не допускали с легкостью к вашим ушам приходящих отсюда, а также отлученных нами более не желали принимать в общение, поскольку таковое, как легко может видеть ваша досточтимость, определено еще Никейским Собором. Ведь хотя там, как представляется, предусматриваются меры в отношении низшего клира и мирян, однако Собору было угодно, чтобы тем более это соблюдалось в отношении епископов, дабы те, кто в своей провинции были запрещены в общении, твоей святостью поспешно либо недолжно не оказывались восстановленными в общении»[2].

Не лишним будет привести целиком фрагмент, в котором отцы Карфагенского Собора просят Папу не присылать своих представителей для разбирательства дела. В письме Предстоятеля Константинопольской Церкви этот фрагмент приведен не полностью:

> «Приставов (пусть даже и клириков), кто бы ни просил, не присылайте и не допускайте, дабы не явиться нам вносящими дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим видеть Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия»[3].

Сформулированная уже в новейшее время теория о «сверхграничной ответственности» (ὑπερόριοι εὐθύναι) в церковных делах целиком взята из лексикона римских епископов, уже с V века претендовавших на «вселенское попечение» (universalis cura; sollicitudo omnium ecclesiarum), которое, по их мнению, является не привилегией, а «особым долгом» и «служением» Римской Церкви.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2008 года выражал глубокую озабоченность стремлениями Константинопольской Церкви утвердить развиваемую отдельными её иерархами и богословами новую экклезиологическую концепцию, которая «вступает в непреодолимое противоречие с многовековой канонической традицией». В определении Собора «О единстве Церкви» были перечислены основные притязания Константинопольских Патриархов, о которых заявляли в то время представители этой Церкви. Характерно, что за прошедшее десятилетие представления Предстоятеля Константинопольской Церкви о своих полномочиях заметно расширились. В письме Патриарха Варфоломея Архиепископу Албанскому Анастасию декларируется уже право вмешательства в дела других Поместных Церквей по любому вопросу и по

собственному почину, что является претензией на неограниченную юрисдикцию над всеми автокефальными Церквами.

К сожалению, остался неуслышанным призыв Русской Церкви воздерживаться от односторонних действий, способных нанести непоправимый ущерб единству Православия:

> «Считая, что все упомянутые вопросы могут получить окончательное разрешение лишь на Вселенском Соборе Православной Церкви, настоящий Собор призывает Святейшую Константинопольскую Церковь впредь до общеправославного рассмотрения перечисленных новшеств проявлять осмотрительность и воздерживаться от шагов, могущих взорвать православное единство. Особенно это относится к попыткам пересмотра канонических пределов Поместных Православных Церквей»[4].

2. Патриарх Варфоломей утверждает, что служение «сверхграничной ответственности» совершается Константинопольским Патриархом в рамках «канонически неизменного института Пентархии».

Указанный тезис содержит в себе внутреннее противоречие, поскольку теория пентархии не только не обосновывает будто бы существующие исключительные полномочия первого епископа, но, напротив, утверждает равенство пяти патриарших кафедр Римской империи.

Институт пентархии был учрежден в VI в. указами императора Юстиниана, зафиксировавшего «порядок чести» (τάξις τιμῆς) пяти крупнейших кафедр Римской империи – Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. В 109-й новелле императора Юстиниана от 541 года, в частности, говорится:

> «Еретиками же и те назвали, и мы называем тех, кто принадлежит к различным ересям… и вообще всех, кто не суть члены Святой Божией кафолической и апостольской Церкви, в которой все святейшие патриархи всей вселенной – и западного Рима, и сего царственного града, и Александрии, и Теуполя, и Иерусалима, и все подчинённые им преосвященнейшие епископы — согласно возглашают апостольскую веру и предание»[5].

В императорский период вторжение одного члена пентархии на территорию другого было воспрещено, а все межцерковные вопросы и апелляции адресовались императору, который и предписывал процедуру их разрешения. О равных полномочиях и ответственности всех пяти наиболее важных престолов империи писали многие авторы византийской эпохи. Патриарх Антиохийский Петр III (1052–1056) в послании архиепископу Градскому, или Аквилейскому, писал:

> «Божественная благодать устроила быть во всем мире пяти патриархам: Римскому, Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому <…> (PG 120 col. 757). Тело человека ведóмо одною главою. Оно имеет много членов, которые все управляются пятью только чувствами <…> Тело же Христово, т.е. Церковь верных, сложенное из различных народов, словно членов, и управляемое пятью чувствами, т.е. названными великими престолами, водимо одною Главою – Самим Христом (col. 760)».

Патриарх Константинопольский Иоанн X Каматир в 1200 году в послании Папе Иннокентию III отмечал, что в соборных определениях нет оснований для притязаний римских епископов:

> «Мы находим там только перечисление [Церквей] и благочинный порядок, по которому одна какая-нибудь называется первой, а другая некая второй, потом третья, и т.д. Но ни из священных апостольских постановлений, ни из их канонов мы не знаем кафолических неких Церквей, объемлющих остальные и являющихся матерью для других»[6].

Лишь позднее в силу известных исторических катастроф, значительного ослабления и умаления древних Патриархатов, оказавшихся в тяжёлом положении, а также с учётом столичного положения Константинопольской кафедры возводится в принцип фактическое неравенство между Патриархом Константинопольским и остальными Восточными Патриархами. Поздневизантийский период и особенно период османского владычества отмечены нередкими злоупотреблениями своим положением со стороны Константинопольских Патриархов. Неудивительно, что практически все высказывания Константинопольских Предстоятелей, которые приводит в своём письме Патриарх Варфоломей, относятся именно к этой исторической эпохе.

Попутно стоит заметить, что, цитируя в этой связи высказывание Патриарха Константинопольского «Каллиста I в связи с делом [Патриарха] Тырновского Германа II», Патриарх Варфоломей допускает странную ошибку: Тырновского Патриарха с таким именем история не знает, а в Патриаршество Каллиста I кафедру в Тырново занимал Патриарх Феодосий II.

Однако каноническая аномалия, вызванная трагическими событиями прошлого, не может возводиться в ранг канона. Характерно, что даже в оттоманскую эпоху, когда Восточные Патриархи нередко не только подолгу проживали в Стамбуле, но также и избирались и поставлялись в этом городе, сохранялось представление о равенстве всех Патриархов, что нашло отражение, в частности, в полемике с инославием.

Так, подробно останавливается на теме первенства Окружное послание Восточных Патриархов 1848 года, в котором, среди прочего, оспариваются притязания римских пап на главенство в Церкви Христовой. Преимущество первой кафедры как в первые века христианства, так и в XIX веке авторы Послания видели в столичном положении этой кафедры в пределах единого государства: вначале Римской, а затем – Османской империй. Не священные права и не особый канонический статус, но естественный ход вещей вынуждал при возникновении споров обращаться в столицу – Рим или Константинополь. Но принимавшиеся там решения должны были носить братский, а не повелительный характер, не нарушать свободу Поместных Церквей, то есть их автокефалию. В Послании особо подчеркивается, что братское содействие Константинопольского Патриарха могло осуществляться исключительно по просьбе Предстоятелей Поместных Церквей, а не навязываться им[7].

3. Институт пентархии назван в письме «канонически неизменным».

Подобная характеристика выглядит весьма странной.

Возникновение пентархии восходит, как уже сказано выше, не к церковным канонам, а к указам Римского императора, в связи с чем она, будучи государственным учреждением, после исчезновения империи потеряла своё значение. В то же время с течением времени в порядок чести православных Патриархов вносились изменения. В 1590 году на Соборе в Константинополе Восточные Патриархи в грамоте об учреждении Патриаршества на Руси предоставили Предстоятелю Русской Церкви пятое место в диптихе:

> «Поставили на Москве господина Иева именем и благодатию Святого Духа и грамоту ему патриаршескую дали и по той грамоте произволил и объявил да он архиепископ Московский властвует пятый патриарх и будет иметь патриаршеское достоинство и честь именоватись и почитатись с ыными патриархи во веки всегда».

4. В подтверждение будто бы «древней практики Церкви», предоставляющей Константинопольскому Патриарху право вмешательства в дела других Церквей, Патриарх Варфоломей приводит Томос 1663 года, более известный как “свиток о власти царской и патриаршей”, в котором Восточные Патриархи разрешили вопросы, «предложенные им духовенством Русской Церкви».

Указанный документ – сомнительный как по своему происхождению, так и по содержанию – транслирует, прежде всего, практику своего времени – оттоманской эпохи, при которой Восточные Патриархи, как уже было сказано выше, *de facto* находились в подчинённом по отношению к Патриарху Константинополя положении. Однако и этот документ, при внимательном прочтении, в действительности не подтверждает нынешних притязаний Константинополя.

Вопреки утверждению Патриарха Варфоломея, Томос 1663 года не являлся ответом на вопросы, «предложенные духовенством Русской Церкви». Направленные четырём Восточным Патриархам грамоты с приглашением прибыть в Москву на Собор, созванный против Патриарха Никона, были подписаны только Царём Алексеем Михайловичем – инициатором судебного процесса над Московским Патриархом. Ни священноначалие, ни рядовое духовенство Русской Церкви никаких ответов у Восточных Патриархов не запрашивало.

Томос 1663 года не имеет статуса соборного определения. Предстоятели Александрийской и Антиохийской Церквей, которым был отвезён список Томоса, поставили под ним свои подписи значительно позже. Также известно, что Патриарх Иерусалимский Нектарий не стал подписывать документ как таковой, а приложил к нему свое особое мнение, в котором заявил о возможности низложить любого Патриарха, не исключая и Константинопольского, судом рядовых митрополитов и епископов, чем, по сути, дезавуировал положения документа об особых правах именно Константинопольского Патриарха[8]. Не бесспорным является и авторитет по крайней мере некоторых авторов документа. Один из них – Патриарх Антиохийский Макарий – ещё в 1662 году отправил тайное послание Папе Римскому, в котором признавал своё подчинение ему. Один этот факт уже ставит вопрос, насколько данный документ может считаться выразителем подлинной и неповреждённой церковной традиции.

Вместе с тем, даже с точки зрения канонической системы, декларируемой в Томосе 1663 года, действия Патриарха Варфоломея в украинском вопросе превышают упоминаемые в документе полномочия Константинопольских Патриархов. Это подтверждается текстом 8-го вопросоответа Томоса, который процитирован Патриархом Варфоломеем выборочно. В конце этого вопросоответа сказано:

> «Εἰ δὲ συναινοῦσι καὶ οἱ λοιποὶ Πατριάρχαι, εἰ τύχον εἴη μείζων ὑπόθεσις, ἀμετάβλητος ἔσται ἡ ἐξενεχθεῖσα ἀπόφασις»[9].
>
> *И если согласны и другие Патриархи – в том случае, если вопрос более значимый – то вынесенное решение да будет необратимым.*

Та же мысль повторяется и в конце 7-го вопросоответа:

> «Ἐὰν δὲ περὶ ὧν ἐγκαλεῖτο, ἔκκλητον καλέσῃ ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς Κωνσταντινουπόλεως, τὴν ἀπόφασιν ἐκδεκτέον. Εἰ δὲ συναινέσειεν καὶ οἱ λοιποὶ Πατριάρχαι, οὐδεμίας ἔτι προφάσεως λείπεται χώρα, περὶ ὧν ἐγκαλεῖται»[10].
>
> *И если по обвинениям, которые ему вменяются, он будет апеллировать к престолу Константинополя, то следует ждать решения. А если согласятся и остальные Патриархи, то по тем обвинениям, которые ему вменяются, у него более не остаётся основания для увёрток.*

Таким образом, согласно Томосу решения Константинопольского Патриарха, во-первых, сами по себе не являются окончательными; во-вторых, для придания им такого характера требуют согласия «прочих патриархов», то есть Предстоятелей всех Поместных Православных Церквей. Едва ли эти положения документа могут служить подтверждением будто бы существующего у Константинопольских Патриархов права единолично вмешиваться во внутренние дела другой автокефальной Церкви, игнорируя не только отсутствие согласия других Церквей, но и явно выраженное их несогласие с его действиями.

Совершенно произвольно приводится Патриархом Варфоломеем в подтверждение своей позиции 21-й вопросоответ, который говорит о подсудности митрополита или Патриарха суду епископов своей Церкви и никак не относится к вопросу об особых правах Константинопольского Предстоятеля.

22-й вопросоответ, который также упоминается в письме Патриарха Варфоломея, говорит о том, что если некий епископ решит воспользоваться правом апелляции «к высшему суду», будучи к тому моменту письменно осужден Константинопольским и другими Патриархами, то право апелляции у такого епископа уже отсутствует. Характерно, что указанная норма в случае с апелляцией Михаила (Филарета) Денисенко не только не оправдывает действия Патриарха Варфоломея, принявшего в октябре 2018 года положительное по ней решение, но и прямо воспрещает их. Низложение бывшего митрополита Филарета Денисенко Архиерейским Собором Русской Православной Церкви ещё в 1990-е годы было письменно одобрено Предстоятелями большинства Поместных Церквей, включая самого Патриарха Варфоломея. После этого, по смыслу 22-го вопросоответа, бывший

Киевский митрополит утратил всякое право на апелляцию.

5. По утверждению Патриарха Варфоломея, на Константинопольской Церкви лежит ответственность «на правах опекуна» и в качестве «арбитра» разрешать «возникающие между святыми Божиими Церквами споры», усиливать «иногда недостаточные действия духовных руководителей отдельных Церквей» и вообще предотвращать «любые нравственные и материальные опасности, грозящие благостоянию» Поместных Церквей. Причём таковое вмешательство Константинопольская Церковь вправе осуществлять как «по собственному почину и из чувства долга», так и «по просьбе заинтересованных сторон».

Очевидно, что подобные притязания, оправдывающие одностороннее и несогласованное вторжение в дела любой автокефальной Церкви по любому поводу, не только не подтверждаются канонами, но и прямо противоречат основным церковным установлениям, воспрещающим епископам одной Церкви вмешиваться в дела другой. Излишним будет говорить, что никто и никогда не предоставлял Константинопольскому Патриарху права определять «недостаточность действий» Предстоятелей других Церквей, никто не возлагал на него обязанность выявлять «опасности» и предотвращать их. Вместе с тем, история знает немало случаев, когда настоящую опасность для Вселенского Православия представляли действия и учения самих Константинопольских Патриархов. Так, для предотвращения смуты, вызванной заблуждениями Предстоятеля Константинопольской Церкви, был собран III Вселенский Собор, осудивший ересь Константинопольского Патриарха Нестория, а делегация отцов Собора в Константинополе рукоположила его православного преемника Максимиана.

6. В письме Патриарха Варфоломея утверждается, что предпринятые Константинопольским Патриархатом «в прошлом и нынешнем веке межправославные усилия и инициативы… были ошибочно восприняты некоторыми как отказ от ее этой непреложной ответственности и одновременно диаконических привилегий во имя будто бы некоей парламентской федерации отдельных Поместных Церквей».

В данном тезисе очевиден нескрываемый прямой отход от соборности в сторону монархического принципа церковного устройства. Налицо отказ Константинопольских Патриархов от роли координатора в православном мире, о которой они сами неоднократно заявляли в прошлом, и фактическое провозглашение единоначалия Предстоятелей Константинопольской Церкви под видом их «непреложной ответственности» и «диаконических

привилегий».

Соборная система управления Церковью в письме Патриарха Варфоломея уничижительно названа «парламентской федерацией». Следует, однако, отметить, что модель Православной Церкви как «федерации» довольно широко использовалась в богословской литературе XIX–XX веков. Будучи, как и всякая описательная модель, несовершенной, она вошла в богословский язык исключительно как инструмент критики римского церковного монархизма[11]. Такое вполне ограниченное словоупотребление никогда и ни у кого не вызывало никакого отторжения. Более того, в первой половине XX века сами иерархи Константинопольского Патриархата активно использовали образы «федерации» и «демократизма» для описания модели Православной Церкви. Например, митрополит Селевкийский Герман (Стринопулос) в слове на интронизации Патриарха Константинопольского Мелетия IV в 1922 году называл Константинопольский Патриархат «Матерью-Церковью, центром, в котором сходятся и от которого берут начало все поместные православные Церкви, составляющие единое тело», однако далее отмечал: «Говоря так, я ничуть не ввожу папистской монархии и сосредоточения всей церковной власти в руках одной местной Церкви или одного единственного человека, попирая явным образом вечные устои – демократическое и федеративное устройство (δημοκρατικοῦ καὶ ὁμοσπονδιακοῦ πολιτεύματος), которым с самого своего устроения гордится православная Церковь»[12]. Сам Патриарх Мелетий называл Папу Римского не «главой» Христианской Церкви, а «предстоятелем христианской федерации» (Προέδρου τῆς Χριστιανικῆς Ὁμοσπονδίας)[13]. Наблюдаемый в последние годы отказ от вполне понятного и ограниченного по смыслу образа федерации для описания модели Православной Церкви является симптомом того, что ряд иерархов и богословов Константинопольского Патриархата, включая самого Патриарха Варфоломея, пересмотрели свое отношение к церковному устройству, усвоив ту самую монархическую модель Церкви, которую на протяжении уже более тысячи лет последовательно критиковали их предшественники.

7. В письме Патриарха Варфоломея Константинопольская Церковь провозглашается «общей кормилицей православных», которой усваивается право не только предоставлять автокефальный статус, но также и определять в каждом отдельном случае по своему усмотрению его содержательное наполнение.

Общеизвестно, что каноническое право Православной Церкви не содержит никаких норм, определяющих процедуру провозглашения и признания

автокефалии. Именование Константинопольского Патриархата «общей кормилицей православных» лишено оснований: исторически Предстоятели Константинопольской Церкви самостоятельно не определяли границ ни других Церквей, ни даже свои собственные.

В византийский период все изменения, касающиеся изменения статуса митрополий в рамках Константинопольского Патриархата, а также территориальные изменения самого Патриархата совершались императорами директивно и по собственной инициативе. Юрисдикция Константинопольского Патриарха установлена указом императора Маркиана (450–457), на основании принятого IV Вселенским Собором в Халкидоне 28-го правила, в пределах Фракийского, Асийского и Понтийского диоцезов Римской империи. Впоследствии каноническая территория Константинопольского Патриархата неоднократно расширялась и сужалась. Так, в VIII в. императорами-иконоборцами в юрисдикцию Константинопольского Патриархата были переданы территории Восточного Иллирика, Южной Италии и Сицилии. В османское время османскими властями в юрисдикцию Константинопольской Церкви были переданы области ликвидированных османами Тырновского и Печского Патриархатов в дополнение к тем территориям, которые Константинопольский Патриарх продолжал окормлять на основании принятых прежде решений византийских императоров.

Согласно византийской государственно-правовой практике, основанной на признаваемой римскими законами прерогативе императора ведать «делами божественными» (res divinae) как частью публичного права, император как «владыка вселенной» (δεσπότης τῆς οἰκουμένης) управлял всеми внешними делами отдельных Поместных Церквей, которые по византийской терминологии именовались «вселенскими» (οἰκουμενικαί или αἱ ἀνὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ἐκκλησίαι).

В частности, это приводило к тому, что император учреждал как новые митрополии, так и целые автокефальные Церкви, включавшие в себя территории нескольких митрополий и управлявшиеся архиепископами. К числу последнего рода решений относятся дарование императором Юстинианом в 533 г. привилегий Церкви Первой Юстинианы[14], дарование императором Константом II в 666 г. автокефалии Равеннской Церкви[15], признание в 927 г. императорами Константином VII Багрянородным и Романом I Лакапином автокефалии Болгарской Церкви[16], создание в 1018 г. императором Василием II автокефальной Охридской архиепископии[17],

дарование в 1219 г. императором Феодором Ласкарисом автокефалии Сербской Церкви.

Единоличное предоставление Синодом Константинопольского Патриархата автокефального статуса Элладской, Румынской, Сербской и некоторым другим Церквам в XIX-XX веках является практикой новейшего времени, обоснования которой не могут быть найдены в церковных канонах эпохи Вселенских Соборов. При этом исторически Константинопольский Патриархат был не единственной Церковью, предоставлявшей автокефалию вне границ империи. Так, Грузинская Церковь получила автокефалию от Церкви Антиохийской, о чём свидетельствует Вальсамон:

> «Грузинскую удостоило чести решение Антиохийского Собора: ибо можно прочесть, что во дни патриарха Феуполя — Великой Антиохии господина Петра состоялось соборное решение: быть Церкви Грузии, подчиненной тогда патриарху Антиохийскому, свободной и автокефальной»[18].

Продолжая тему автокефалии, Патриарх Варфоломей называет ошибочным мнение «о [существовании] самодостаточных Поместных Церквей», поясняет, что автокефальные статусы «не являются некоей неподвижной и статичной системой, но таковой, каковая с большой осмотрительностью приспособляется к пастырским потребностям сегодняшнего дня». Существующие ныне автокефальные Церкви Патриарх определяет как «новейшие и так называемые “автокефалии”».

В экклезиологической модели, предлагаемой Патриархом Варфоломеем, вводится иерархия Церквей, во главе которой стоит Константинопольский Патриархат – «арбитр», «опекун» и «общая кормилица православных». Второе место занимают древние Церкви, статус которых, зафиксированный в деяниях Вселенских Соборов, уважается, что не исключает, однако, возможности вмешательства в их внутреннюю жизнь со стороны Константинополя. Наконец, последнюю ступень в иерархии занимают «так называемые “автокефалии”», т.е. все остальные автокефальные Православные Церкви, статус и объём полномочий которых целиком определяется Константинопольским Патриархатом, вплоть до полного упразднения этих Церквей волевым решением Синода в Стамбуле.

Подобная концепция полностью обесценивает понятие автокефалии и противоречит православной экклезиологии. О принципиально равных правах

всех Патриархов даже в рамках существовавшего в византийскую эпоху института пентархии, на который ссылается Патриарх Варфоломей, было сказано выше.

9. Патриарх Варфоломей в обоснование решения о принятии украинских раскольников в церковное общение в «сущем сане» указывает на прецедент уврачевания Мелетианского раскола на Первом Вселенском Соборе, заявляя, что мелетианские епископы, получившие хиротонию в расколе, «были приняты без перерукоположения в своих степенях». В подкрепление своей позиции Патриарх ссылается на трактат митрополита Анхиальского Василия (Астериу), приводя, между прочим, неверную дату его составления (составлен в 1887 году, в то время как в письме указан 1877 год).

Утверждение Патриарха Варфоломея, однако, не подтверждается документами Никейского Собора.

В посвящённом этому вопросу Соборном послании говорится о принятии в церковное общение «поставленных им [т.е. бывшим епископом Ликопольским Мелетием] и **утвержденных более таинственным рукоположением** [μυστικωτέρᾳ χειροτονίᾳ βεβαιωθέντας]». Следует отметить, что Патриарх Варфоломей вслед за митрополитом Анхиальским Василием пересказывает суждение преподобного Феодора Студита, который полагал, что возвращающихся из Мелетианского раскола вплоть до VII века принимали без перекрещивания и без миропомазания. Однако митрополит Василий (Астериу), в трактате которого, по словам Патриарха Варфоломея «приводится вековая позиция Православной Церкви» по вопросу о действительности раскольнических хиротоний, делает важное добавление: «однако вероятно, что возвращающиеся от них [т.е. от мелетиан] были подтверждены в своих священных степенях через молитву с хиротесией согласно решению Первого Вселенского Собора, выраженному в вышеупомянутом синодальном послании и в 8-ом каноне»[19].

О том, что совершённые в расколе хиротонии не признавались одним лишь принятием соответствующего соборного решения, как раз и говорит 8-й канон Первого Вселенского Собора, посвященный Новацианскому расколу, на который также ссылается Патриарх Варфоломей. Согласно этому канону, возвращающиеся от новациан клирики принимались в Церковь через совершение над ними хиротесии (ὥστε χειροθετουμένους αὐτούς) при условии письменного исповедания православной веры. Тем самым в обоих случаях принятие в церковное общение раскольнических клириков совершалось каждый раз в индивидуальном порядке. Сослужение с украинскими

раскольниками и вступление с ними в евхаристическое общение на основании одного только синодального решения Константинопольской Церкви без подтверждения и даже без исследования апостольского преемства совершённых в расколе хиротоний не имеет ничего общего с практикой уврачевания Мелетианского и Новацианского расколов.

Приводимые Патриархом Варфоломеем примеры некорректны и по той причине, что сама постановка вопроса о принятии раскольнического епископа в сущем сане возможна только при наличии апостольского преемства, которое у части «епископата» признанной Константинополем «Православной церкви Украины» отсутствует. Хиротонии большинства «епископов» бывшей «Украинской автокефальной православной церкви», вошедших теперь в состав «Православной церкви Украины», восходят к двум лицам – находившемуся в состоянии извержения из сана бывшему епископу Житомирскому Иоанну (Боднарчуку) и самозванцу Виктору (Викентию) Чекалину, который никогда не имел даже раскольнического епископского рукоположения. Очевидно, что хиротонии, совершенные этими лицами, ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны действительными.

Важно отметить, что и 8-й канон, и упомянутое выше Соборное послание Первого Вселенского Собора заметно ограничивают права присоединяющихся к Церкви бывших раскольнических епископов, которые ставились в подчинённое положение по отношению к уже канонически поставленным на местах православным епископам. Исходя из этой логики, иерархи раскольнических групп на Украине, в случае их покаяния и возвращения в Церковь могли бы быть приняты либо как викарии местных правящих архиереев Украинской Православной Церкви, либо как епископы на покое. Однако, односторонне вмешавшись в церковную ситуацию на Украине, Константинопольский Патриархат полностью проигнорировал каноническую Украинскую Православную Церковь. Вопреки 8-му канону Никейского Собора, запрещающему образовывать по причине присоединения из расколов епископов в сущем сане параллельную церковную структуру, Константинополь создал именно такую структуру на Украине. Более того, даже в рамках так называемой «Православной церкви Украины» «епископы» и епархии некогда двух независимых раскольнических групп продолжают сосуществовать параллельно друг другу, а два «иерарха» носят совпадающий титул «Киевского и всея Украины», который, впрочем, не может принадлежать ни одному из них при наличии законного Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия.

10. В письме Патриарха Варфоломея проводится сравнение украинского раскола с греко-болгарской схизмой, а также с разделением между Русской Православной Церковью и Русской Зарубежной Церковью.

Усматривать аналогию между приводимыми примерами и автокефалистским расколом на Украине нет оснований.

Украинский случай представляет собой раскол внутри Поместной Церкви путём создания параллельной неканонической иерархии несколькими изверженными из сана епископами при отсутствии поддержки со стороны абсолютного большинства епископата, духовенства и мирян. В ситуации с греко-болгарской схизмой речь идёт об отделении целой Поместной Церкви от полноты общения с Вселенским Православием.

Извержение из сана лидеров украинского раскола Архиерейским Собором Русской Православной Церкви было письменно признано Предстоятелями Поместных Православных Церквей, в том числе, до последнего времени, и Константинопольским Патриархатом. Между тем прещения, наложенные Константинопольской Церковью на всех иерархов, клириков и мирян Болгарского Экзархата, не получили безусловного одобрения в православном мире. Впервые Константинопольский Патриархат наложил прещения на болгар в мае 1872 года, но уже в августе-сентябре того же года созвал Собор с целью придания этому решению всеправославного характера. В Соборе, помимо Константинопольского Патриарха, участвовали Предстоятели Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Кипрской Церквей. Русская Церковь участия в Соборе не принимала и не ответила на послание Патриарха Константинопольского Анфима VI о провозглашении схизмы. Полагая недостаточными причины для провозглашения Болгарского Экзархата раскольническим, Русская Церковь, хотя и не поддерживала с ним полного канонического общения, стремилась к преодолению его изоляции, что, в частности, выражалось в предоставлении болгарам Святого Мира со стороны отдельных российских архиереев и даже, в ряде случаев, в сослужении русского и болгарского духовенства. Характерно, что и среди участников Константинопольского Собора 1872 года не все поддержали наложение схизмы. Патриарх Иерусалимский Кирилл II отказался подписать постановления Собора. В то же время члены Синода Антиохийской Церкви выразили несогласие с подписью Патриарха Антиохийского Иерофея.

Ещё меньше имеется оснований для сравнения украинского раскола с преодолённым в 2007 году разделением между Русской Зарубежной

Церковью и Церковью в Отечестве. Иерархи Зарубежной Церкви за весь период её независимого положения никогда не подвергались извержению из сана со стороны Русской Православной Церкви. Апостольское преемство епископов РПЦЗ никем и никогда не ставилось под сомнение, вследствие чего иерархи и клирики РПЦЗ, менявшие юрисдикцию, принимались в сущем сане. Русская Зарубежная Церковь имела при этом ограниченное или полное евхаристическое общение с Иерусалимским Патриархатом и Сербской Православной Церковью. Имели место сослужения иерархов РПЦЗ и с представителями Константинопольского Патриархата (известно, например, о фактах сослужения архиепископа Антония (Бартошевича) с митрополитом Калабрийским Эмилианом (Тимиадисом)). По контрасту с действиями Константинополя, подготовка к восстановлению канонического общения между Московским Патриархатом и РПЦЗ заняла несколько лет, поскольку очевидной была необходимость подвергнуть тщательному каноническому исследованию все условия восстановления единства. В частности, в отношении всех клириков Русской Зарубежной Церкви, ранее принятых в неё без отпускных грамот из других Поместных Православных Церквей, были запрошены канонические разрешения от их прежнего священноначалия. Скоропалительность решений, принятых в Константинополе в отношении украинских раскольников, свидетельствует о присутствии нецерковного фактора в его действиях.

11. Следует отдельно остановиться на именовании одного из лидеров украинского раскола Макария Малетича «бывшим митрополитом Львовским». Патриарх Варфоломей пишет о «попечении нашей Мерности в отношении права апелляции, попечении, которое мы оказали и в случае Преосвященных митрополитов бывшего Киевского Филарета и бывшего Львовского Макария».

Именование Филарета Денисенко «бывшим митрополитом Киевским» в данном контексте представляется справедливым, поскольку архиерейскую хиротонию он получил в канонической Церкви и вплоть до своего уклонения в раскол носил титул «митрополита Киевского и всея Украины». Однако вызывает удивление использование титула «бывший митрополит Львовский» в отношении Макария Малетича, который является *бывшим протоиереем* Русской Православной Церкви, перешедшим в раскол именно в пресвитерском чине и уже в расколе получившим неканоническую архиерейскую хиротонию и титул «епископа Львовского». Именование Макария Малетича «бывшим Львовским митрополитом» неоднократно встречается как в официальных документах Константинопольской Патриархии (к примеру, в письме Святейшего Патриарха Варфоломея

Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу № 1119 от 24 декабря 2018 г.), так и в публичных комментариях высоких представителей Константинопольской Церкви[20]. Данное обстоятельство исключает возможность случайной ошибки, что ясно свидетельствует: Патриарх Варфоломей и члены Синода Константинопольского Патриархата, принимавшие 9-11 октября 2018 года решение о восстановлении в сане Филарета Денисенко и Макария Малетича, не были знакомы с основными фактами биографии лидеров украинского раскола. В свою очередь, это означает: повторного разбирательства дела по существу, что предполагается в случае подачи апелляции, в действительности не было. Следовательно, Константинопольский Патриарх, самостоятельно присвоивший себе право принимать и рассматривать апелляции, в случае с украинским расколом этим правом не воспользовался.

12. Претензии Патриарха Варфоломея на особые властные полномочия в православном мире опираются на понятие первенства, которое усваивает себе Константинопольский Патриарх.

Между тем понятие первенства чести (τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς), которое знает православная традиция, тесно связано с понятием авторитета. «Авторитет» (*auctoritas*) и «честь» (*honor*) связывались вместе еще в античности, наряду с такими понятиями как «достоинство» (*dignitas*), «разумность, благоразумие» (*consilium*), «серьезность, солидность» (*gravitas*)[21]. Через римское право эти понятия вошли и в право церковное. Потеря благоразумия или достоинства неизбежно приводит к потери авторитета и чести. Авторитет выстраивается, прежде всего, на неформальном доверии, а не на формальных властных полномочиях, которые связываются с понятиями *potestas* и *imperium*.

В церковной истории первенство чести изначально было усвоено Римскому престолу, который рассматривался как наиболее авторитетный арбитр и хранитель православного вероучения. Но злоупотребление доверием привело Римский престол к утрате авторитета и первенства чести. Самой авторитетной стала кафедра Нового Рима – Константинополя, поскольку ее центральное положение на христианском Востоке и близость к имперской власти позволяли ей решать многие проблемы.

Однако первенство чести не дает его обладателю права наделять себя дополнительными властными полномочиями и вмешиваться в дела других автокефальных Церквей без их на то согласия. В официальном документе «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской церкви» говорится: «Константинопольская патриаршая кафедра обладает

первенством чести на основании священных диптихов, признаваемых всеми Поместными Православными Церквами. Содержательное же наполнение этого первенства определяется консенсусом Поместных Православных Церквей»[22].

Авторитет – всегда очень хрупкий статус. Ошибочно полагать, что он может быть навязан или формально за кем-то закреплен. Злоупотребление доверием неизбежно приводит к утрате авторитета, а значит – первенства чести. Действия Константинопольского Патриархата на Украине, которые нельзя квалифицировать иначе как произвол, подорвали авторитет кафедры Нового Рима и поставили под сомнение правомерность его именования первым среди равных.

Особые полномочия, которые усваивает себе Константинопольская Церковь, не находят своего подтверждения ни в традиции Православной Церкви, ни в консенсусе автокефальных Церквей. Единоличное усвоение Константинопольским Патриархом себе особых властных полномочий без согласия на то всех общепризнанных автокефальных Церквей является не чем иным как узурпацией власти и самоличным усвоением тех прав, которые кафедра Нового Рима никогда не имела и не могла иметь в отношении других Поместных Православных Церквей.

13. В заключительной части своего письма Патриарх Варфоломей восклицает: «Мы недоумеваем, как эта наглость и злостная клевета по отношению к Матери Церкви и нашей Мерности лично бывает терпима некоторыми, а в некоторых случаях они вольно или невольно усваивают ее под видом согласия и повторения аргументации тех, кто воздвиг пяту на своего благодетеля. Неужели эти ученики любят Церковь и ее единство больше своих учителей? Да не будет этого».

Отношения ученика и учителя по своему характеру всегда являются временными и конечными. Попытка выстроить вечную субординацию между народами по принципу «учитель – ученик» не может быть терпима в Церкви Христовой.

Возмущение Предстоятеля Константинопольской Церкви, как видно, вызывает сам факт аргументированного несогласия с его неканоническими решениями по украинскому церковному вопросу. Письмо Патриарха Варфоломея показывает, что изложенная в нём ответная аргументация не выдерживает критики.

---

[1] Окружное Патриаршее и Синодальное послание Константинопольской Церкви по поводу энциклики Льва XIII о соединении Церквей от 20 июня 1894 года [https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/okruzhnoe-patriarshee-i-sinodalnoe-poslanie-konstantinopolskoj-tserkvi-po-povodu-entsikliki-lva-13-o-soedinenii-tserkvej-ot-20-iyunja-1894-goda/]

[2] Concilia Africae, A. 345 – A. 525 / Cura et studio C. Munier. [Corpus Cristianorum. Series Latina 259]. Turnout, 1979. P. 170–171

[3] Ibid. P. 172

[4] Определение освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 24-29 июня 2008 года) «О единстве Церкви» (http://www.patriarchia.ru/db/text/428916.html)

[5] Corpus iuris civilis / Rec. R. Schoell, W. Krol. Vol. III: Novellae. Berlin, 1954. Novella CIX. P. 517-518

[6] Spiteris J. La critica bizantina del Primato Romano nel secolo XII (Or. Christ. An. 208) Roma 1979, p. 325-327

[7] «Его Блаженство [т.е. Папа Римский Пий IX] говорит, что Коринфяне, по случаю возникшего у них несогласия, отнеслись к Клименту, папе римскому, который обсудивши дело, отправил к ним послание и они читали оное в церквах. Но это событие есть очень слабое доказательство папской власти в Доме Божием: так как Рим был тогда средоточием управления и столицею императоров, то всякое дело, сколь-нибудь важное, как в споре Коринфян, должно было там разбираться, особенно, если одна из спорящих сторон прибегала к постороннему посредничеству. Так бывает и до ныне. Патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима, в случае дел необыкновенных и запутанных, пишут к патриарху Константинополя потому, что сей город есть столица самодержцев и притом имеет преимущество, предоставленное Соборами. Если братским содействием исправится нуждающееся в исправлении, – то и хорошо; если же нет, то дело передается правительству по надлежащему. Но сие братское содействие в христианской вере не бывает на счет свободы Церквей Божиих».

(Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем Православным христианам (1848 г.) [https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1342])

[8] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1826. Т. 4. С. 117.

[9] Там же. С. 97.

[10] Там же. С. 95.

[11] Именно в таком контексте употреблял этот термин, к примеру, известный историк Церкви и канонист С. В. Троицкий: «В то время как Римокатолическая Церковь напоминает абсолютную монархию, Православная Церковь напоминает федеративное государство (И док је Римокатоличка црква слична апсолутној монархији, Православна црква је слична федеративној држави (Bundesstaat)» (Троицки С. В. Црквено право. Београд, 2011. С. 409).

[12] Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. Σ. 43.

[13] Tillyrides A. Meletios Metaxakis: A Historic Document // Θεολογία. Τόμος ΝΕ΄. Τεῦχος 2. Σ. 529.

[14] Corpus iuris civilis / Rec. R. Schoell, W. Krol. Vol. III: Novellae. Berlin, 1954. Novella XI. P. 94.

[15] Rerum Italicarum scriptores. T. II. Mediolani, 1723. P. 146: SANCIMUS amplius securam, atque liberam ab omni superiori Episcopali conditione manere, et … non subjacere pro quolibet modo Patriarchae antiquae Urbis Romae, sed manere eam αὐτοκέφαλον.

[16] Gelzer H. Das Patriarchat von Achrida. Geschichte und Urkunden // Abhandlungen der königlichen sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. 47. Philologisch-historische Klasse. Bd. 20. Leipzig, 1903. S. 6: Δαμιανὸς ἐν Δωροστόλῳ, τῇ νῦν Δρήστᾳ. ἐφ’ οὗ καὶ ἡ Βουλγαρία τετίμηται αὐτοκέφαλος. οὗτος πατριάρχης ἀνεγορεύθη παρὰ τῆς βασιλικῆς συγκλήτου κελεύσει τοῦ βασιλέως Ῥωμανοῦ τοῦ Λακαπηνοῦ.

[17] Указ императора Василия II см. в: Бенешевич В.Н. Описание греческих рукописей монастыря Св. Екатерины на Синае. Т. 1. СПб., 1911. С. 544–550; Извори за българската история. Т. 11. София, 1965. С. 40–47.

[18] Rhalles-Potles. T. II. P. 171–172

[19] Не лишним будет отметить неточность данного утверждения митрополита Анхиальского Василия. Если 8-ой канон Первого Вселенского Собора действительно говорит о «хиротесии» (χειροθεσία) над раскольническими клириками, то в приведённом выше Соборном послании того же Собора в Никее употребляется слово «хиротония» (χειροτονία).

[20]
См., например, интервью архиепископа Телмисского Иова Русской службе Би-би-си [https://www.bbc.com/russian/features-46067230?fbclid=IwAR1mMfoAHpIJFbGqzCHrWT9IpCvfmdDLYZQ02yHoliWFwFY2AeB4Au5Kj

[21] Марей А.В. Авторитет, или Подчинение без насилия. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

[22] Позиция Московского патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. 5.

— mospat.ru